

ОБРАЗОВАНИЕ РУССКОЙ ИМПЕРИИ

Глава VII

Промышленное освоение Урала

Происхождение горнозаводской промышленности Урала. Обширная территория Перми Великой, русских поселений Западной Сибири и башкирских земель скрывала в своих недрах сокровища, о ценности которых долгое время не было известно и которые, конечно, не влияли на продвижение русских на восток. Эти сокровища – огромные запасы полезных ископаемых в Уральских горах. Их начали добывать лишь на рубеже XVII – XVIII в. Вскоре экономические и политические последствия этого оказали огромное воздействие на развитие этого региона и его население. Таким образом, без учета разработки Россией уральских рудников история этой окраины империи будет не полной.

С момента своего появления на средней и верхней Каме русские начали вести разведку металлов, в основном, меди, необходимой для чеканки монеты. Вероятно, эти месторождения русским указали местные кустари, которые издавна имели здесь мелкое литейное дело. Первая грамота, выданная Строгановым в 1558 г., гласила: «А где будет найдет руду серебряную или медяную или оловянную, и Григорью (Строганову. – *Б.Н.*) тот час о тех рудах отписывати к нашим казначеям...»¹.

Естественно, что Строгановы не нашли на Урале серебра и свинца; они легко могли бы обнаружить здесь медь, но она, по всей видимости, их почти не интересовала. Строгановых больше привлекала разработка соляных копей. Поэтому инициатором добычи меди стало государство. В царствование Михаила Романова возле Соли Камской была построена первая медеплавильня, позднее перенесенная на земли Пыскорского монастыря (Среднее Прикамье). В одном из документов по истории горной промышленности Урала, об этом говорится: «В прошлом во 143 (1635) году по Нашему Государскому Указу посылаемы с Москвы к Соликамской для Нашего рудознатцаго дела гость Надея Светешников, да подьячей Илья Кирилов, да с ними послан иноземец рудознатец немчин Арист Петцольт с иными с мастеровыми с рускими и немецкими людьми. И приехав они к Соликамской иноземец Арист прежняго мельничнаго заводу, где было быть Нашему медному делу у Григоровы горы, досматривал и сказал, что то место на мельницу негодно потому, что тут в речке вода мала. И ... для прииску к мельничному заводу ездили, и приискали под мельницу место, у того у Пыскорскаго монастыря их монастырское, на речке на Камкарке, на той же горной стороне от Григоровой горы вниз по Каме реке 25 верст. И на той речке на Камкарке за плоту и мельницу на Наше медное дело он, гость Надея Светешников да подьячей Илья Кирилов поставили. Да у них же Пыскорскаго монастыря у арх[иепископа] Гермогена с братиею против их Пыскорскаго монастыря за Камою рекою взят луг для сенных покосов меднаго дела, угольных пожегов на кровлю»².

Мы видим, что это уже была не маленькая кустарная печь, а настоящий завод, имевший плотину, движимые водой механизмы для дробления руды, место

для углежжения, и, наконец, сам плавильный цех. Наличие иностранного мастерового гарантировало, что завод будет функционировать. О руде, добытой в шахте Григорьевской горы и предназначавшейся для нового завода, местные власти сообщали: «...прошлаго 149 (1641) года июля с 1 числа сентября по 1 число 150 пуд (1 пуд=16, 38 кг – *Б.Н.*), а сентября с 1 числа генваря по 1 число на Григорове горе уломано медныя руды при немцах пять сот десять пуд; да 150 (1642) года генваря с 1 числа февраля по 6 число после немецких мастеров при русских урядчиках на Григоровой горе уломано медной руды по смете с тысячу пуд...»³.

Эти цифры невелики, но, тем не менее, они свидетельствуют, что это было уже не кустарное предприятие. Об этом свидетельствует и наказная память, данная Ивану Онофриеву, посланному в 1643 г. управлять Пыскорским заводом: «Ехати ему к Соликамской к медному делу, а приехав у медного дела в гостиной сотни у торговаго человека у Кирила Босово, медное всякое строение и запасы и всякия снасти и за расходы остаточныя деньги и руским мастеровым людем, плавильщиком, и подплавильщиком, и ссылочным денежнаго дела вором, именную роспись и места, где руда объявилась, и во всем с ним росписаться именно. А росписався у старых мест, где медная руда съискана, велеть руду копать и в иных местах искать, и из тех руд, где объявится, опыт чинить. А сколько руды положат, и что выйдет из нее меди, и то записывать в книги именно... А дрова и лес и уголье велеть готовить и уголье жечь угольщиком, которые были напредь сего; а для работы тем угольщиком и к медному делу к работе наймовать деловцов охочих...»⁴.

Несмотря на значительные затраты государства на строительство первого металлургического завода на Урале, он работал с перебоями. Немецкий мастер был отозван – вполне вероятно, что он понадобился для других дел – в Москву, а завод сдан в аренду двум партикулярным людям, Ивану и Дмитрию Тумашевым; подобного рода дуэты часто встречаются в истории уральской промышленности. Через два года братья Тумашевы занялись строительством медного завода на Нейве, в Сибири. Из Москвы была послана новая команда иноземцев. Однако ее начальник умер, и иностранные рабочие были отозваны на войну со Швецией. Завод бездействовал много лет, и лишь в 1722 г. возобновил работу⁵.

Трудности в Пыскоре не испугали разведчиков медной руды⁶. Но окончательное превращение Урала в центр горной промышленности произошло благодаря не меди, а железу. Уральское население так же давно знало о месторождениях железа: небольшие литейные мастерские были здесь практически везде – вспомним о запрете башкирам иметь свои кузницы. Геннин, организатор казенных горных заводов при Петре I, писал: «В прошлом 1722-м году, когда прибыл в Сибирь от артиллерии тогда бывшей генерал маэор, что ныне генерал лейтенант и кавалер Дегеннин (*Геннин. – Б.Н.*), и тогда Арамильской слободы крестьяне Федор Бабин с товарищи объявили ему железную руду, обысканную близ реки Сысерти, о которой при объявлении ея доносили, что она обретена назад тому лет с сорок Арамильской слободы крестьянами, которые из оной руды до зачатия заводов и до прибытия ево, генерала лейтенанта, делали чрез малые печи и употребляли в продажу железо и со онога десятую платили в Арамильскую земскую кантору. А когда он, генерал лейтенант, на заводы прибыл, тогда дело кричного же-

леза для избежания от непорядочного зжения на уголь и руде от незнания практики напрасной траты им, генералом лейтенантом, пресечено, а велено довольствоваться железом от казенных заводов»⁷.

Кустарная плавка железной руды велась по всему Уралу. Некоторым крестьянам удавалось за день выплавлять до 5 пудов (около 80 кг) железа⁸.

Конечно, настоящей горной промышленности, способной удовлетворить потребности Московии, тогда еще не было. Железо продолжали импортировать, в основном из Швеции. Но как только его нашли на восточном Урале, то государством и частными лицами сразу же были предприняты попытки организации здесь промышленного производства. В 1676 г. два немца, Самуэль Фрич и Ганс Герольд, были посланы царем Алексеем Михайловичем на Урал с предписанием найти не только медь, но и железо. Они привезли два образца руды, но сообщили, что этот край слишком дикий⁹. На этом попытки промышленного освоения региона закончились.

С другой стороны, один из упомянутых мною братьев Тумашевых, прибыв на строительство аналогичного завода на Нейве, восточнее Уральских гор, и не найдя там меди, заинтересовался железом. Он стал просить Москву разрешить ему строительство здесь завода по плавке руды. Разрешение он получил в 1669 г., а на следующий год построил первый уральский железоплавильный завод, Федьковский, который работал около 10 лет и остановился к 1680 г. по неизвестным мне причинам. Позже Далматов монастырь возвел другой маленький железоплавильный заводик, на месте будущего Каменского, который сохранился до наших дней, но был скорее кустарным и обслуживал лишь сам монастырь¹⁰.

Все эти попытки наладить производство железа на востоке Урала долгое время оставались единичными и не дали ощутимых результатов. Лишь в самом конце XVII в., при Петре I, на Урале возникла настоящая железоделательная промышленность. Своим рождением она была обязана одному из первых соратников Петра, Андрею Виниусу, который сыграл важную роль в качестве создателя русской промышленности. Сын голландца, родившийся в России и сильно обрусевший, он с 1695 г. был думным дьяком Сибирского приказа¹¹. Узнав об открытии на Тагиле (приток Туры) крупных залежей магнитного железа, он писал 7 мая 1697 г. Петру I, только что отбывшему в свою знаменитую зарубежную поездку: «К тому та магнитная руда, сказали опытчики, такова богата, что из 100 фунтов руды выходит от 30 до 40 фунтов самого доброго железа». В то время в России не было специалистов, которые бы оценили качество найденного «магнита» и тем более организовали бы его плавку. Поэтому Виниус попросил Петра срочно найти у курфюрста Бранденбургского или в Голландии мастеров-сталеваров, производителей пушек, мушкетов, гранат и бомб. «И то дело будет в такое диво, – добавил он, – во всей вселенной не бывало». Виниус постоянно напоминал об этом императору. Вот что мы читаем в одном из его писем: «Пречестнейший мой милостливый господин... Прошу еще об железных мастерах постараться, и о таких, которые бы делали сталь, мушкеты, замки, сабли или бомбы, понеже, железо предивное обрелось из магнита, и заводов из магнита – изволь доведется – мною, от бытия мира не бывало».

А вот как отвечал ему император: «Письмо твое, майя 27 писанное, мне отдано июня 24 д., в котором пишешь ваша милость о мастерах; о чем уже обнадеживаем вашу милость, что исполнено будет, потому что в Дрезден у нас взялся тот дворянин, которому от короля заводы приказаны; а сами мы за скорою ездою тех заводов видеть не могли. А камень тот, которой ваша милость дала мне, утерялся еще в Кюнисберге»¹².

Хотя Петр I не был, как Виниус, сторонником производства железа на Урале, необходимость создания русского флота вынудила его поддаться на уговоры своего дьяка. Несмотря на краткость своего пребывания в Саксонии, Петр успел принять на службу двух горных инженеров, берг-мастера Эндерляйна и пробирера Блюхера, а также с десяток мастеровых¹³. Еще до их приезда в Россию он, едва вернувшись в августе 1698 г. в Москву, распорядился начать реализацию планов Виниуса и Сибирского приказа. Так на Урале началось строительство первых плавильных заводов. Князю Михаилу Черкасскому¹⁴, в 1697 г. ставшему тобольским губернатором, было поручено следить за этой стройкой, а из Москвы в Верхотурье отправили 22 рабочих и учеников, «Якушку со товарищи», взятых, вероятно, на металлургических заводах, уже существовавших в России (Тула, Олонец и т. д.). Им было приказано как можно скорее завершить строительство заводов¹⁵. Черкасский оказался неплохим руководителем, и успешно справился со своим заданием. Виниус, летом 1702 г. выехавший в Сибирь для проверки хода работ, 8 декабря 1702 г. писал из Верхотурья Петру I: «А тщанием вернаго вашего государева раба, князя Михайла Яковлевича, на первых заводах к вешнему поплаву пушек, мортиров и гаубиц болши 100, чаю, быть; да мешает майстеров пьянство – и за то наказаны – и приставников умная слепота. А на других пушек будет мало для опоздалого времени и многих прошедших до меня хлопот и крестьян коварства, которые успокоены ныне весма. Уповаю, государь, еще в 2 местах или трех великим заводам быть и стараюсь, чтоб всех уготовить 10 домен, которые в год чюгуну дадут, буде помешек не явится, с 1400000 пуд. А руды, государь, железной богатой толикое обрел число, что, чаю, прежде лесам оскудение нежели рудам, будет; а наипаче, что железо то зело добро и равняется с Гишпанским. Но сие, государь, великое дело требует великое время, донде же созреет и приставников верных; и теми здесь скудно, и к тому различные помехи являются, их же вам, великому государю, донесу и протчих новообретенных делех велми полезных».

Черкасский построил в 1698-1704 гг. нижеупомянутые заводы, некоторые из которых существуют и поныне: Федьковский (на месте бывшего завода Тумашева), который почти сразу же был перенесен на Нейву, став Невьянским заводом («Старый завод»), Алапаевский, Уктусский¹⁶, Каменский заводы. Чтобы продемонстрировать масштаб работ, достаточно процитировать Геннина.

Невьянский завод: «В прошлом 207-м году, апреля 23 числа, по имянному великого государя указу и по выписке за пометою дьяка Никиты Зотова велено в Верхотурском уезде, на реках Тагимле и Невье, где сыскана железная руда, завести вновь железныя заводы, а мастеровых людей взять с разных железных русских заводов по человеку или по два, смотря, чтоб на тех заводах в мастеровых людех скудости не было и тех заводов не остановить».

Те заводы строены и по постройке в разные работы посланы были крестьяне из слобод Тагильской, Невьянской, Ницынской, Ирбитской, Арамашевской, Белослущкой, Аятской, Краснопольской, Чюсовской, Белоярской, Новопышминской, Камышловской, Пышминской, Красноярской, Тамакульской и верхотурския ямские охотники не по равному числу, но когда сколько понадобится».

Алапаевский завод: «В прошлом 1704-м году по указу б.и.в.д.п.е.и.в. Петра Первого, присланном с Москвы из Сибирского приказа в Тобольскую губернскую канцелярию, а ис Тобольска в Верхотурскую воеводцаго правления канцелярию, оной завод заведен и построен в Верхотурском уезде, в чертеже Невьянской и Мурзинской слобод, на государевой земле, на порожнем месте, на речке Алапаихе, которая впала в реку Нейву от онаго заводу в дву ста саженьях, а от Екатеринбургга оной завод стоит на север, на дороге едучи на Верхотурье, в разстоянии во 142 верстах.

Строил те заводы стольник и верхотурской воевода Алексей Калетин Верхотурского ведомства Невьянской, Арамашевской, Ирбицкой, Ницынской, Камышловской, Красноярской, Пышминской и Белослущкой слобод крестьянами».

Уктусский завод: «Оной Уктуской завод строен на устье реки Уктуса, близ Исети, от Екатеринбургга в семи верстах. Начат строить в 1702-м году декабря с 4-го числа в бытность в Тобольску ближнего боярина и воеводы князя Михайла Яковлевича да сына ево ближняго ж стольника и воеводы князя Алексея Михайловича Черкаских. У строения того завода был присланной ис Тобольска прикащик Иван Астраханцов.

Оные заводы строены Тобольского и Верхотурского уездов разных слобод крестьянами...».

Каменский завод: «Оной завод заведен и зачат строить по указу ис Тобольска в 1700-м году июля с 8-го, а совершен октября 15 числа 1701-го году, и построена плотина, домна и молотовая фабрика и анбары и сарай для клажи припасов, кантора, кузница и квартиры для житья мастеровым людем.

Строен оной крестьянами Катайского да Кочеданского острогов, также Каменской, Камышевской и Багарядцкой слобод за снятые с них, крестьян, денежные и хлебные оброки по переписным книгам Ивана Качалова.

У того строения был присланной ис Тобольска сын боярской Иван Астраханцов да плотинной мастер Ермолай Неклюдов»¹⁷.

Став через несколько лет думным дьяком Сибирского приказа, Виниус с полным на то основанием мог заявить: «Сыскано такое в тамочной стране железо и заводы двои заведены, а трои починают, что возможно, когда все устроятся, железа чюгуну быть в году 1500000 пуд, а иноземцы, смотря доброту его, что явилось лутче Свейского кованого, дают у города поставить за пуд по ефимку, ис которого выдет в переделе рубль с алтыном. И ис того железа учили делать фузеи, сабли, тесаки, копыя, сталь, уклад, лить пушки, мортиры, гоубицы, которые добротую разве малым хуже медных...»¹⁸.

Таковы были инициативы государства. Интересно, что они сочетались с обращениями к частным лицам. В этом отношении особое значение имела передача в 1702 г. из казны вновь выстроенного Невьянского завода Никите Демидову. Этот бывший тульский кузнец владел у себя на родине кузницами. Его дея-

тельность высоко оценивал Петр I, поскольку Демидов снабжал армию ружьями, производившимися на его Тульском заводе, по низким ценам. В период войны со Швецией армии постоянно требовалось оружие, и император полагал, что Никита лучше всех сможет организовать военное производство на Урале. В 1697 г., после открытия магнитного железа в Сибири, что, как мы видели, произвело в Москве большое впечатление, Никите поручили произвести испытание этой руды. Его результат был таким: «Да марта в 5 день (1697 г. – *Б.Н.*) вышеписанные железные руды 4 пуда 35 фунтов для переплавки отданы туленину железных заводов мастеру Никите Антуфьеву. И Никита Антифьев сказал: сибирскую де железную руду он переплавил, а железа вышло из нее пуда 3 два, и этого железа сделано 2 доски на ружейные стволы и один ствол с замком, да копье он сделал, а железо самое доброе, не плоше свицкого, а к оружейному делу лутче свицкого...»¹⁹.

В 1702 г. Петр решил уступить Демидову лучший из заводов, построенных Черкасским, полагая, что это будет способствовать решению проблемы с производством недорогого оружия, которое требовалось царю для войны со Швецией. О юридической стороне вопроса, по-видимому, не очень заботились: вероятно, Невьянский завод сдавался Демидовым в аренду, но те посчитали его подарком царя²⁰. Как бы там ни было, 8 сентября 1702 г. сын Никиты Демидова Акинфий, тоже ставший крупным организатором горной промышленности на Урале, принял этот завод от имени своего отца, и 11 сентября зажег огонь в домне; сразу же началось строительство второй домны. Так на Урале возникла частная металлургия.

Виниус, который тогда находился в Сибири, 6 декабря 1702 г. направил Никите Демидову подробную «память». Наряду с техническими рекомендациями она определяла будущий статус частных заводов на Урале: «..многая сего прошедшаго лета учинилась остановка за худым и непорядочным строением различных у тех заводов статей, которыя вновь ты принужден был переделывать, а оныя остановки тебе были от дороговизны наемных работных людей и плотников, злобою и корыстию прежних приставников и крестьян. И про то великий государь укажет разыскать вперед, а ныне его, великаго государя, указ послан Аянской и Краснопольской слободы прикащику: велено ему, за удобный и пристойный наем, чтоб им, работникам, сытым быть, у тебя работать без всякаго прекословия.

А в том деле с правдою усмотря, ленивых по вине сам наказывай батогами и плетями, только в такой мере, чтоб тебе чрезмерною жесточью их врознь не разогнать и не навесь бы тебе на себя правых слез в том и обиднаго въздыхания. И оттого гораздо остерегаться, для того что обида, паче убогому человеку, есть грех непроситильный. К тому опасно, что тот ради причины не учили б бегать, чтоб тем заводы не запустили. Охочих вели учить, чтоб, исподволь изучась, могли себе пожиточки работою своею нажить».

Несмотря на вычурный стиль Виниуса, отчетливо ясна важность меры, о которой идет речь. Крестьяне двух населенных пунктов, Аятска и Краснополя, приписанные к заводам Демидова, были государственными крестьянами, поселившимися в Сибири в XVII в. Теперь казна передавала их в качестве вспомогательных работников частным предпринимателям. Так возникли «приписные крестьяне», которые длительное время составляли основную рабочую силу горной промышленности Урала.

Такое промышленное крепостничество на Урале в начале XVIII в. было необходимо: край был практически безлюден, и рабочая сила там фактически отсутствовала. Впрочем, государство не только принудило работать на заводах казенных подданных, но и приписало туда крестьян частных владельцев. На Нейве, недалеко от демидовского завода, существовал монастырь, основанный при Алексее Михайловиче. Монастырские крестьяне были отданы Невьянскому заводу в качестве государственных. Вот что поручалось губернатору Верхотурья в марте 1706 г.: «В прошлом 704 году, марта в 27 день, по нашему великого государя указу,.. велено Никите Демидову к железным заводам владеть монастырским Покровским селом со всеми угодьями и с лесами, и монастырских крестьян, что живут у монастыря и на Пышме, которые ему, Никите, не отданы, отдать, отдать безо всякой оговорки, чтоб за неотдачею крестьян тем заводам остановки не было и воинским припасам в литье и в кованье железа, для нынешнего воинского свейского случая, медления не было...»²¹.

Таким образом, ранняя русская колонизация Урала была поставлена на службу его индустриализации.

Партикулярная и казенная промышленность на Среднем Урале в XVII в. Горная промышленность на Урале развивалась очень быстро. Залежи железа и меди в регионе были несравненно богаче и лучшего качества, чем в центре страны и вскоре промышленное производство переместилось на Урал. На первом этапе промышленному подъему способствовали Демидовы. Позже государство направило сюда Геннина, о котором речь пойдет ниже.

Демидовы – Никита и его сын Акинфий (это был самый энергичный из всех заводовладельцев) – построили в 1716-1731 гг. несколько заводов вокруг Невьянска. Вот несколько деталей, которые я извлек из замечательного описания Урала Генниным:

«Шуралинской железной завод: При котором 4 молота, а домен не имеетца, построен в 1716-м году при отце ево Акинфиевом камисаре Никите Демидове.

На ковку железа тот завод чюгуном довольствован и ныне довольствуетца привозным с Невьянских заводов. И под теми четырьмя молотами имеет зделыватца в год железа 32000 пуд».

«Бынговской: Построен при нем же, Никите Демидове, в 1718-м году, расстоянием от Невьянского в 7 верстах. На оном делаетца железо под четырнатцатью молотами, а домен нет. Под теми молотами зделаетца в год железа 112000 пуд...».

«Верхне-Тагильской завод: Что на реке Тагиле, от Невьянского завода расстоянием в 20 верстах, построен в 1718-м году при камисаре Никите Демидове. При том заводе построено две домны и четыре молота, и из оных одна домна в ход пущена з генваря месяца 1720-го года...».

«Нижне-Тагильской железной завод: По указу 1720-го года, данному камисару Никите Демидову, построен на Тагиле реке в 1725-м году от Невьянского в 57 верстах. При оной построено 4 домны и 2 молота и из оных одна домна пущена в ход декабря з 25 числа того ж году...».

При том Нижне-Тагильском заводе чюгуна в сутки выходит от 250 до 400 пуд, а в год из одной домны 118725, а из дву 237450 пуд.».

«Шайтанский завод: При котором плотина и две пильные мельницы построены в 1721-м году. А потом по данному ему, Демидову, из бывшей берг-коллегии в 1726-м году февраля 9 дня указу при той плотине и пильных мельницах на Шайтанке построил молотовую и в ней два молота в 1727-м году. И на дело при том заводе железа чюгун привозят с Тагильских ево заводов...».

«Черноисточинской завод: Построен по оному ж берг-коллегии указу в 1728-м году. Во оном 4 молота... Чюгун на ковку железа привозитца туда с показанных же Тагильских заводов».

«Уткинский завод: (Построен в 1729 г., имеет 4 молота, чугун привозят с тех же заводов. – *Б.Н.*)».

«Ревдинский завод: Зачат строить за Чюсовой рекой на речке Ревде в 1732 году, и плотина была уже построена, но оную в 1733-м году вешнюю большею водою промыло... И ныне паки та плотина и фабрики, также и две домны строятца, токмо в совершенство и действие еще не приведено. И колико молотов построено будет – неизвестно.

Руды к тому заводу на плавку чюгуна имеют привозитца с нижеписанных рудников, которые обысканы ево, Демидова, людьми»²².

Позже Демидовы построили и другие железные заводы, но эти первенцы были, несомненно, их главным вкладом в индустриализацию Урала.

Демидовы сыграли важную роль в возобновлении производства меди. Мы видели, что оно практически прекратилось здесь к концу XVII в. Долгое время усилия заводчиков были направлены на железо. Но к 1716 г. успехи, достигнутые в этой области, а также опыт, приобретенный в металлургии, заставили правительство заняться разработкой богатых месторождений меди. Первые попытки этого были неудачными²³, но в 1720 г. к этому подключился Никита Демидов и ему сопутствовал успех. Первый крупный медеплавильный завод, Выйский, он пустил в 1722 г. Вот еще один отрывок из работы Геннина: «Выйский медный завод: В прошлом 1721-м году, ноября 27-го, в указе б.и.в.д.п.е.и.в. из бывшей берг-коллегии, писанном декабря 20-го 1720-го года от артиллерии тогда капитану, что ныне действительный статской советник, Татищеву да бергмейстеру Блиэру писано по его великого государя указу, каков учинен в берг-коллегии, велено туленину Никите Демидову в Сибирской губернии в Верхотурском уезде на государевой порозжей земле, за речкою Выею, где он нашел медную руду, на оном месте построить ему медной завод на свои собственные деньги и на том заводе плавить ему медь...

И по тому указу тот Выйской завод им, Демидовым, построен и в действо приведен в 1722-м году и плавка меди началась того ж году ноября с 23-го дня и был в действии по 1729 год мая по 14 число. А в том числе оной завод згорел и после того вновь построен.

Медные руды к тому заводу для плавки меди берутца с рудника Выйского, а руда добываетца в горе гнездовая между диким камнем, сыскан и объявлен верхотурским ясашным новокрещенным вогулятином Савою Семеновым».

Тогда же Демидовы построили еще 2 медеплавильных предприятия, на этот раз рядом с Кунгуром, где руду искали с XVII в.: «Суксунский медеплавильный завод: Построен в 1729-м году по указу берг-коллегии в Кунгурском уезде на

речке Суксуне, расстоянием от Екатеринбурга в 251, а от Кунгура в 42 верстах. При том заводе построено медиплавильных печей 12... Да в том же уезде ныне у него ж, Демидова, строитца медной завод на речке Быме...»²⁴.

Долгое время государство плелось в хвосте блестящих успехов Никиты и Акинфия Демидовых. Казенные железоделательные заводы, Алапаевский, Уктусский и Каменский, работали плохо. В 1722 г. даже хотели сдать последний в аренду частным лицам – вот до какой степени он был в упадке²⁵. Чтобы разобраться с ситуацией на казенных предприятиях, Петр I в 1720 г. отправил на Урал капитана артиллерии Василия Татищева, историка и будущего преемника Кирилова в Башкирии. Но Татищев только поссорился с Демидовыми. Впрочем, основной задачей его миссии была организация выплавки меди на казенных землях, однако Татищев ограничился разработкой достаточно сложного, но так и нереализованного проекта передачи в аренду частной компании залежей меди у границ с Башкирией²⁶.

Именно тогда Петру I пришла в голову замечательная идея – послать в Сибирь такого опытного человека, как Геннин (Вилим Геннин или «де Геннин», как он любил себя называть). Немец из Нассау-Шегена, он в 1698 г., еще юношей был завербован Петром на русскую службу и, благодаря своей энергии и способностям, стал генерал-майором, комендантом Олонца и главой железных рудников этой провинции²⁷. Ему было поручено улучшить работу казенных металлургических предприятий. Инструкции, данные Геннину 29 апреля 1722 г. императором, были таковы:

«I. Ехать ему в Кунгурской, Верхотурской и Тобольской уезды, где есть наши железные и медные заводы.

И железные заводы во всем исправить, а имянно пушечным литьем.

Также велеть там делать уклад, сталь, жечь и дощатое кровельное железо. И сделать для резания железа и для проволочного дела машины.

А которые похотят тому делу от партикулярных заводов учиться – и таких учить.

II. Медные заводы также во всем исправить и привести в доброе состояние и размножение.

III. Розыскать между Демидовым и Татищевым, также по всем делам Татищева, не маня ни для кого, и писать о том в сенат, также в берг-коллегию и к нам.

IV. Что надобно будет ко обоим заводам, каких деревень и земель, о том писать в сенат, откуда велели мы ко удовольствию тех заводов чинить немедленно резолюцию.

V. На первое время для строения и работ на те заводы людей и прочее, что к тому делу принадлежит, требовать от губернаторов и от воевод, о чем к ним даны вам послушные указы.

VI. На дачю жалованья мастеровым людям, которых велено тебе с собой взять, отпускается с вами денег на два года две тысячи восемьсот шестьдесят два рубля сорок восемь копеек да сверх того на чрезвычайные расходы тысяча рублей»²⁸.

Геннин получал тем самым практически неограниченные права, чем и не преминул воспользоваться.

Рассмотрим основные этапы его деятельности на Урале.

Прибыв 2 октября в Кунгур, он немедленно взялся за изучение вопроса о добыче меди, что так интересовало Петра I, и принял меры, чтобы за зиму подготовиться к строительству будущего Полевского завода. Геннин также обнаружил в регионе залежи железа, разрабатывавшиеся крестьянами-кустарями, и выбрал место для строительства на следующий год домны.

Заехав ненадолго в Соль Камскую, он отправился на демидовские заводы и увидел там следующее: «И ноября 26 дня (1222 г. – *Б.Н.*) с Кунгура (по возвращении с Соли Камской) поехал к Демидову для розыску между им и Татищевым. И прибыв декабря 1 числа ево, Демидова, старые и новые заводы осмотрил, которые в хорошем весьма порядке и в самых лутчих местах построены... А на государевы заводы сожальительно смотреть, что оные здесь заранее в добрый порядок не произведены. Понеже... таковы места, что рек, руд, лесов, где быть заводам, довольно. И работники дешевы, также и харч не дорог, а не так, как на Олонце». Однако эти заводы «весьма ныне в худом порядке: первое – не в удобном месте построены и за умалением воды много прогулу бывает, второе – припасов мало, третье – мастера самые бездельные и необученные»²⁹.

Побывав у Демидовых, Геннин отправился на казенный Уктусский завод. Он нашел его в неудовлетворительном состоянии и потребовал провести там ремонт³⁰. Близлежащая местность показалась ему удобной и в 7 км южнее, на реке Исеть, он основал новый промышленный центр, которому была уготована блестящая судьба: это был будущий Екатеринбург. Воды, железной и медной руды, а также леса на Исети было предостаточно, следовательно, имелись все условия для строительства здесь мощных казенных заводов. Проблему создавали лишь жившие по соседству башкиры, которые не хотели этого. Тогда Геннин построил между заводами небольшую крепость. Весной 1723 г. он выписал из Тобольска для строительства 2 батальона солдат и рабочих. Огромные трудности, вставшие перед ним, Геннин резюмировал так: «Но токмо оные салдаты и работные люди плотничье дело не знали и в протчих работах при строении зело были необычайны, к тому ж как оные салдаты, так и работники сперва много от работы бегали, и дошло было до того, что оногo генерала лейтенанта в том пустом месте при строении едва не одного оставили, от чего тогда не без опасности ему было от непостоянного Казачей орды народа, башкирцов и татар, которые в близости жительство имели и уведали, что русские люди близ их рубежа строят заводы, собирались воровскими партиями и русских людей, которые руды искали около Полевой, убивали. И того ради он, генерал лейтенант, для страху им понужден был оных татар, которые русских убивали, сыскав, жестоко с ними поступить, от чего, взирая на то, другие страх возимели и до сего времени никакого помешательства не чинят, но живут покорно. И хотя вышеписанное бегство салдат и необычайность их и крестьян в работах и чинилось, однако радением и неусыпными трудами оногo генерала лейтенанта, как Екатеринбургская крепость, так плотина, разные фабрики и протчее, зачатое строить с марта месяца 1723-го года, построено в одном том 1723-м году»³¹.

В 1723 г. строительство заводов в Екатеринбурге шло одновременно с реконструкцией старых предприятий в Алапаевске и Каменске. Трудностей было много. 7 сентября 1723 г. Геннин докладывал Петру Великому: «И хотя я в трудах розорвуся, однако заводы новые, железные и медные, не могу скорее строить и умножит. Остановка истинно не от меня, но ты повер мне, но остановка есть, что у меня немного искусных людей в горном и завоцком деле, а везде сам для дального расстояния быть и указат не могу. А плотники здесь не так как олонецкие, но пачкуны, а буде бы были здесь олонецкие плотники, то мог бы скорее достроит... А он, Демидов, ныне контентен и мне в строении твоих заводов немалую помощь учинил в добрых плотинных мастерах»³².

Скромный по натуре, Геннин был выдающимся организатором. В письме к Петру 20 августа 1724 г. он отчитывался: «1. Екатеринбург... построены. 2. Уктусские заводы починил и исправил... 3. Каменской завод почитай весь внов починивал... 4. Так же Алапаевские заводы внов плотину строил... 5. На Полевой при башкирской границе, которое место я обложил как три четверти года, близ двухсот тысяч пуд медной руды с малым коштом добыл через сто человек тобольских салдат, которые и обороняют от башкирской воровской партии... 6. При том же строил для коммуникации от Екатеринбург до Полевой порубежные три крепости... 7. На Верхотурье, при реке Ляле медной завод в действие приведен и руду добывают в двух штолнах. 8. Ягушихинские заводы, близ Камы-реки, совсем достроены и давно мед плавят. 9. При Пыскоре верхней завод... весь исправил... 10. Нижней Пыскорской завод, которой я заложил нынешней весны и вес наново построил... 11. На Яйве-реке... руды добыто с пятьдесят тысяч пуд...».

Обращают на себя внимание следующие слова Геннина: «И благодарю Бога, что русской нации в такое краткое время, при малом количестве иноземцев учатся и обучились, что я уже могу такие великие заводы и фабрики и горное дело с ними в действе управлят...»³³.

Когда в 1734 г. Геннин подал в отставку и был назначен членом Военной коллегии, на Урале действовало 10 построенных им новых казенных заводов, выплавлявших миллионы пудов чугуна и железа, и десятки тысяч пудов меди³⁴.

Демидов и Геннин создали на Урале горную и металлургическую промышленность, которая радикальным образом изменила облик края. В своем первом письме Петру (25 ноября 1722 г.) Геннин писал: «Обретаюсь между горами, болотами и лесами». Горы, болота и леса таковыми и остались, но заселившие их русские построили здесь промышленные центры, которым было уготовано блестящее будущее.

При Геннине и двух первых Демидовых государство и партикулярные люди действовали одновременно и их пути не пересекались. Несмотря на успех Геннина, Петр все же благоволил к частной индустрии: абсолютный монарх, фактически деспот, он ни в коей мере не был «государственником», а прежде всего стремился заставить работать своих вассалов. Промышленность страны, которой он всегда уделял особое внимание, должна была, по его мнению, быть уделом компанейщиков, желательны иностранцев, применявших передовую технику. Исходя из этих соображений, 10 декабря 1719 г. Петр издал указ об учреждении Берг-коллегии, а 23 января 1720 г. – указ о приглашении иностранцев в русскую

горную промышленность³⁵. Переписка между императором и Генниным свидетельствует, что царь постоянно интересовался заводами. 4 апреля 1724 г. Геннин докладывал Петру: «...а возле тех мест есть довольно и других таких рудных мест, где мы, компанейщики, можем добывать руды... Ему (Демидову. – *Б.Н.*) не очень мило, что вашего величества заводы станут здесь цвести, для того что он мог больше своего железа продавать и цену наложить, как хотел, и работники б вольные все к нему на заводы шли, а не ваши»³⁶.

Борьба между казенной или партикулярной промышленностью на Урале продолжалась вплоть до эпохи советской «национализации», которая, по видимому, окончательно решила этот вопрос в пользу государства. Петр был не столь радикален в этом вопросе, поскольку частники не были достаточно активны; успех Демидовых не привел к расцвету уральской металлургии. О Строгановых, имевших все возможности для занятий промышленностью, Геннин 4 апреля 1724 г. писал императору, что «...прежде сего жили они как Танталус, вес в золоте и огорожен золотом, а не могли достать...».

Лишь в 1728 г. на уральских рудниках появились новые партикулярные люди: балахонцы Петр и Гавриил Осокины. Они основали в 1728 г. Иргинский медеплавильный и железоделательный завод на реке Иргин, примерно в 80 км от Кунгура, а в 1731 г. там же Юговский (на реке Юг) медеплавильный. Но их нельзя сопоставлять с Демидовыми, продолжавшими расширять свои владения. Вслед за Осокиными и Строгановы, наконец, решились в 1733 г. построить свой первый железоделательный завод, Билимбаевский, предназначенный в основном для нужд их солеварен. Позже они создадут немало предприятий³⁷.

Соперничество между партикулярной и казенной промышленностями продолжалось, но в Санкт-Петербурге всегда поддерживали первую. Об этом свидетельствуют инструкции, данные в 1734 г. преемнику Геннина Василию Татищеву относительно Екатеринбургa, и предписания Геннина (1735 г.) все тому же Татищеву о найденных последним залежах руды³⁸. Таким образом, государство мало верило в эффективность казенного управления.

Действительно, казенные заводы производили меньше 200000 пудов железа в год и приносили лишь 70000-100000 руб. дохода. А одни Демидовы ежегодно выплавляли свыше 350000 пудов. Крайне прижимистое, правительство императрицы Анны заинтересовалось этим феноменом, создав в 1733 г. комиссию во главе с графом Головкиным, которая в 1734 г. высказалась за передачу казенных заводов партикулярным лицам. Однако таковых не нашлось³⁹.

Выводы комиссии графа Головкина горячо поддержал саксонский барон Шёмберг, приехавший в 1736 г. в Россию по приглашению императрицы Анны, чтобы навести порядок в горных делах. Результаты деятельности этого человека, ставшего генерал-берг-директором, неоднозначно оценивались современниками. Острый на язык и постоянно конфликтовавший с окружающими Татищев считал его вором и ставленником другого, еще более ненавистного немца, Бирона; напротив, лучший знаток Урала второй половины XVIII в., Бенедикт Франц Иоганн Герман, утверждал, что пребывание Шёмберга на Урале сыграло положительную роль для горной промышленности края⁴⁰. Видимо, Герман был прав. После восшествия на престол императрицы Елизаветы Шёмберг пришлось отвечать за

дружбу с Бироном: его бросили в тюрьму, а заводы конфисковали. В итоге от Шёмберга потребовали вернуть казенные средства, выделенные этим заводам, но вскоре выяснилось, что казна сама задолжала ему около 27000 руб. и он смог вернуться на родину⁴¹.

Шёмберг привез из Саксонии принцип государственной горной политики, который применялся тогда в Германии. Речь идет о горной свободе (*Bergbaufreiheit*), согласно которой государство разрешает пользоваться своими недрами всем желающим, но сохраняет за собой ряд привилегий и общий контроль⁴². Шёмберг прибыл в Россию тогда, когда на казенных землях Урала были открыты новые месторождения железа, и именно к ним он приложил свои идеи. История этого открытия представляет определенный интерес, и мы изложим ее словами современника: «Сия гора до 1734 года была совсем неизвестна; она лежала в самых глухих и дремучих лесах за тундристыми и почти непроходимыми болотами, а только лишь там кое-когда скитались за звериною ловлею вогуличи. В те времена над всеми уральскими заводами был главным начальником Татищев. По его распоряжению отправлены были, как для присмотра над частными заводами, так и для отвода им лесов, горные офицеры, из числа коих в 1734 году находился для отвода лесов к Нижне-Тагильскому заводу бергешворен Сергей Ярцов, от коего по изустному и письменному преданию сыну его (сочинителю рукописи) об открытии сей знаменитой горы известны следующие обстоятельства: будучи в том дремучем пустынном крае, и занимаясь межеванием лесов к Нижне-Тагильскому заводу, в одно время вышедший из оных лесов вогулич Степан Чумкин объявил ему, Ярцеву, пребогатую магнитную руду, извещая притом, что он нашел оной руды превеликую гору, с таковою просьбою, чтобы осмотрев, не мешкав, записать оную гору за Государя (т.е. в казну) для того, что де брат его (вогулича), будучи с ним вместе у той горы, и взяв такой же кусок руды, пошел объявить оную хозяину Нижне-Тагильского завода Акинфию Никитичу Демидову, пребывавшему тогда на Невьянском заводе. И так означенный офицер Ярцов, нимало не мешкав, с тем вогулом учинил осмотр горы, и уверившись в неистощимом в ней богатстве, и из особаго к государевой казне усердия, сам со взятою рудою поскакал для объявления оной в Главной канцелярии Екатеринбург. Но как путь его лежал чрез Невьянский завод, где и сам заводчик находился, и где по скорому из лесов его возвращению, возымели на него некоторое подозрение о какой-либо везомой им чрезвычайности, и так то подчиванием, то под разными предложениями всячески тут старались его удержать. Однакож он, кое-как скрываясь от Демидова, едва успел угнать от посланной за ним опасной погони, напоследок достигнув окольными путями Екатеринбурга, объявил о той рудной горе начальнику своему г. Татищеву, который в тот же час и приказал ее записать в канцелярии казне принадлежащею... [...]. Рудоискателю вогуляку выдано тогда же из Екатеринбургской заводской канцелярии в вознаграждение 20 рублей»⁴³.

Эти живописное, хотя может быть и не совсем точное описание хорошо передает атмосферу, царившую на Урале в 1735 г. Татищев лично осмотрел место открытия и сообщил императрице: «Сего сентября 5 числа (1735 г. – *Б.Н.*) ездил я отсюда (Екатеринбурга. – *Б.Н.*) на реку Кушву и, приехав на оную 8 числа, осматривал: оная гора есть так высока, что кругом видеть с нее верст по 100 и более;

руды в оной горе не токмо наружной, которая из гор вверх столбами торчит, но кругом в длину более 200 сажен, поперек на полдень сажен на 60; раскапывали и обрели, что всюду лежит сливная одним камнем в глубину; надеюсь, что и во многие горы дна не дойдем. Для такого обстоятельства назвали мы оную гору Благодать, ибо такое великое сокровище на счастье вашего величества по благодати божией открывалось, тем же и вашего величества имя в ней в бессмертность славится имеет»⁴⁴.

Не дожидаясь, пока Петербург сделает окончательный выбор в пользу партикулярной или казенной промышленности, Татищев начал строить 2 маленьких завода вблизи горы Благодать – Кушвинский и Вернетуринский, которым, конечно, было не по силам освоить новые месторождения⁴⁵.

Правительство отнеслось к открытию Благодати равнодушно. Прибывший вскоре в Россию Шёмберг, будучи талантливым немецким чиновником «камергерской» эпохи, в сентябре 1736 г. провел крупномасштабный анализ уральской горной промышленности. В мае 1738 г. он предложил императрице Анне создать комиссию для изучения полученных им сведений, которая бы, наконец, ответила на вопрос: оставить ли казенные заводы в руках государства или передать их партикулярным людям? Был одобрен последний вариант. 16 июня 1738 г. императрица подписала указ о передаче всех существующих заводов компаниям или частным лицам. 15 февраля 1739 г. специальным указом Гороблагодатские заводы передавались компании, состав которой утверждался императрицей.

3 марта 1739 г. был опубликован новый горный устав – Берг-регламент. Он полностью основывался на принципе *Bergbaufreiheit*: «однакож оные казенные наши заводы, для многих околичностей и излишних иждивений, не толь прибыточны и государству нашему полезны как оные, которые на иждивении партикулярных людей содержатся, ибо партикулярные люди, имея заводы и фабрики в своем собственном владении, для лучшей своей пользы старание прилагают всяким удобовозможным образом те заводы и фабрики распространять, и на заводах заводят разныя фабрики и делают всякия вещи ко употреблению домашнему, от чего те фабрики в государстве размножаются и в лучшее состояние приходят»⁴⁶.

Одновременно с Берг-регламентом 3 марта 1739 г. была одобрена привилегия компании, которая в соответствии с указом от 15 февраля 1739 г. получала в свое распоряжение гору Благодать и имела покровительство самой императрицы. Эту так называемую «Берг-компанию» возглавил Шёмберг, а ее капитал составили вклады высших сановников, Карла и Густава Биронов, императрицы, и, наконец, крупного коммерсанта иностранного происхождения, малоизвестного и пользовавшегося дурной славой Германна Мейера⁴⁷.

Оставалось еще приватизировать остальные казенные уральские заводы. За право владеть ними боролись несколько человек, в том числе Демидовы и Петр Осокин, но Шёмберг выбрал Германна Мейера, уже ставшего *persona grata* при генерал-берг-директоре. Он получил все казенные заводы, за исключением Гороблагодатских. Но, почувствовав, что твориться что-то неладное, Анна аннулировала это решение. Шёмберг попытался заступиться за Мейера, ссылаясь при этом на нехватку специалистов в области управления. Однако императрица проявила твердость и казенные заводы сохранили свой статус⁴⁸.

Пресловутая Берг-компания просуществовала совсем недолго. Звезда Шёмберга закатилась после смерти императрицы Анны и вступления на престол Елизаветы Петровны. 7 апреля 1742 г. генерал-берг-директориум был упразднен, а 25 июня 1742 г. Гороблагодатские заводы вернулись в казну⁴⁹.

Несмотря на крах авантюры саксонского камергера, правительство продолжало считать, что передача партикулярным лицам казенных заводов стимулирует промышленное развитие Урала. Сенатский указ о заводах Берг-компания оговаривал, что они будут управляться казной до тех пор, «пока в содержание охочим к тому, надежным людям, с приращением казенной прибыли, отданы будут»⁵⁰. Но пройдет еще много лет, прежде чем новая политика будет воплощена в жизнь в условиях, в чем-то похожих на время Шёмберга. Когда-то в списке партикулярных людей фигурировали два брата фаворита императрицы Анны, Бирона; теперь их место занял Петр Шувалов (брат фаворита императрицы Елизаветы), получивший привилегию на все те же Гороблагодатские заводы. Но, в отличие от Биронов, Петр Шувалов был одним из самых выдающихся россиян своего времени. Достаточно сказать, что именно он ввел в стране единую таможенную, что стало одним из самых выдающихся событий в истории Российской империи. Будучи сенатором, он фактически являлся министром финансов и экономики, и, кроме того, вел собственную широкую и смелую финансовую деятельность. Политик и финансист, он живо интересовался уральской металлургией и в 1754 г. получил Гороблагодатские заводы. В данном ему указе говорилось: «Сего мая 5 дня по указу из Правительствующаго Сената велено Гороблагодатские казенные железные заводы, называемые: Туринский, Кушвинский, Баранчинский и вновь строящийся на речке Туре, с приписными к тем заводам крестьянами, мастеровыми и работными людьми и с выплавленным на тех заводах ныне имеющимся чугуном и сделанным железом, со взятием как за употребленный на те заводы казенный капитал, так и за наличное железо и чугун, во что он там обошелся, указанного числа денег, по силе Берг-регламента 739 и высочайшаго Ея имп. Величества 742 года апреля 1 числа указа, генерал-аншефу, сенатору, Ея импер. Величества генерал-адъютанту, действительному камергеру, лейб-компания подпоручику и кавалеру графу Петру Ивановичу Шувалову, яко к тому содержанию и размножению оных заводов надежной персоне, отдать»⁵¹.

Данная Шувалову привилегия открыла новую эру: в течение нескольких лет все казенные железоделательные заводы, за исключением двух, перешли в частные руки. Таким образом, планы, выработанные комиссиями императрицы Анны, наконец-то сбылись, и все труды Виниуса и де Геннина пошли насмарку. Новые владельцы заводов были почти исключительно представителями столичной аристократии: графы Чернышевы, Ягужинский, Михаил Воронцов, наконец, майор гвардии Гурьев. Солепромышленник Турчанинов был единственным, кто не принадлежал к аристократии; он получил прекрасные Сысертский, Полевский и Северский заводы (второй был построен Генниным, остальные – Татищевым). Только екатеринбургские предприятия и Каменский завод оставались в руках казны⁵².

Ни Шувалову, ни другим дворянам не повезло на ниве промышленности. Но Шувалов, по крайней мере, хотя бы построил новые заводы, в то время как

другие (да и сам он) только наделали долгов. Лишь не имевший дворянства Турчанинов довел до конца начатое дело. Пример Шувалова свидетельствует о провале попыток искусственного внедрения партикулярной промышленности на Урале. В 1763 г. его сын ходатайствовал, чтобы отцовские Гороблагодатские и Камские заводы были вновь взяты в казну; он оставил у себя лишь один завод в Башкирии, о котором я еще расскажу. Правительство констатировало: «Хотя те заводы в наследственное владение отцу его графу Шувалову по отдаче Правительствующим Сенатом именным указом и утверждены, но с заплатаю в 20 лет по оценке 186629 рублей 65 коп. которую суммою он, Шувалов, казне и должен, и не более уплатил, как только 6940 рублей 55 копеек, и потому казалось бы, что к заплате всего находящегося на оном Шувалове казенного долга, возвращения Гороблагодатских и Камских заводов в казну недостаточно; но понеже известно, что отец его, Шувалова, как те четыре Гороблагодатские сибирские гораздо приумножил, так и казанские Воткинской и Ижевской, под именем Камских почитаемые заводы на свое иждивение выстроил, то не соизволите ль Всемиловитивейшая Государыня, Высочайше повелеть Сенату...»⁵³.

Таким же образом в 1770 г. в казну были возвращены заводы графа Чернышева, а в 1781 г. – графа Воронцова (за исключением одного предприятия). Заводы Гурьева и Ягужинского приобрел Савва Яковлев, один из самых значительных уральских промышленников, который стал собственником (путем покупки или нового строительства) примерно 20 крупных железодельных предприятий, в том числе Невьянского завода Демидовых⁵⁴.

Таким образом, к 1780 г. горная промышленность Урала вновь стала такой, как при Петре. Как и во времена де Геннина, казенная промышленность сосуществовала с частной, где по-прежнему господствовали Демидовы, но уже появились и новые хозяева – Яковлев, Турчанинов, Осокин и др. Металлургия все еще концентрировалась на Среднем Урале, в основном между Верхотурьем и Екатеринбургом, но заводовладельцы уже смотрели на юг и север.

Промышленное освоение Башкирии и Северного Урала. Промышленность проникла в Башкирию лишь благодаря казне. Это был беспокойный край, где восстания местного населения носили практически перманентный характер. Следовательно, без вмешательства государства здесь было не обойтись. Я уже писал, что в 1723 г. Геннин построил на границе с Башкирией завод-крепость Екатеринбург. Но государство еще долгое время игнорировало заселенный башкирами Южный Урал, несмотря на все легенды о его сказочных рудных богатствах.

В 1736 г. Кирилов, начав фактическую колонизацию Башкирии, основал в Табынске первый медеплавильный завод-крепость⁵⁵. Несмотря на радужные мечты о перспективах этого завода – воображение рисовало Кирилову годовое производство меди на нем в 10000-30000 пудов – предприятие стояло. Кирилов умер, а его преемники, казалось, вообще забыли про завод, тем более что вскоре Табынск оказался в эпицентре башкирского восстания. Лишь через 8 лет, при активной поддержке Неплюева, завод был предложен частным промышленникам. На него заявили свои права Акинфий Демидов и другие заводчики, но по совету Неплюева Сенат отдал предпочтение симбирскому купцу Твердышеву. Выбор оказался удачным, и Твердышев стал Никитой Демидовым Южного Урала, т.е. пионером

горной промышленности Башкирии. В указе от 16 апреля 1744 г., предоставившем Твердышеву право на владение заводом, говорилось: «...Твердышев... чрез старание свое новые рудные признаки обыскал... А надежда на него, Твердышева,.. по известному его в Оренбургской комиссии состоянию, не сумнительна; он же, яко торгующий при Оренбурге и близь онаго в Симбирске живущий, по новости того места, для разных способов потребный человек...».

Дополнительные штрихи к портрету Твердышева добавляет знакомство с его промышленной карьерой. Получив в 1744 г. разрешение на строительство Верхоторского медеплавильного завода на притоке Белой реке Тор⁵⁶, он развернул активную деятельность. В 1762 г. Твердышев уже владел (со своим зятем и компаньоном Мясниковым) 5 медеплавильными и, что еще более важно, 2 железоделательными заводами; еще 2 домны находились в процессе строительства⁵⁷. Перед 4 железоделательными заводами – Катав-Ивановским, Юрюзанским, Симским и Белорецким – открывались широкие перспективы.

Твердышеву приходилось работать в нелегких условиях, в самом центре Башкирии, в окружении враждебно настроенных племен. Он должен был быть одновременно и строителем и дипломатом⁵⁸. Как уже говорилось, русская политика в Башкирии основывалась на принципе признания вотчинного права башкир на землю. Следовательно, на Южном Урале отсутствовали свободные казенные земли для строительства заводов и поэтому Твердышеву приходилось самому договариваться с башкирами. П.И.Рычков, хорошо знавший Твердышева, рассказывал: «По состоянию башкирского народа, который ни что столь много не уважает и не бережет, как старинные свои вотчинные земли, и отхожие, то есть лесные угодья, а наипаче пчелиные бортевые промыслы, беспристрастно можно сказать, что при первом заведении горных заводов, к коим на всякие строения, тако ж на дрова и уголье, множество лесов необходимо требуется, надо бы были великая осмотрительность и всякая ласковость, справедливость и умеренность с башкирцами, дабы от них, по их дикости и легкомыслию, от новости на землях их таких заводов затруднений не было, и вновь бы беспокойства не отрыгнуло. Но помянутый Твердышев, с компанейщиком его синбирским же купцом Иваном Мясниковым и с двумя родными своими братьями, не жалея ни труда, ни иждивения, так искусно и честно поступали, что башкирцы, полюбив их, почитали всегда хозяевами, и не только никаких помешательств и препятствий ни в чем им не чинили, но и сами, узнав свойство руд, из награждения им объявлять стали; а многие из платы и возкою на завод руды промышленять возохотились»⁵⁹.

Чтобы не вызвать восстания, государство старалось избегать крупномасштабных изъятий башкирской территории. Поэтому земли и леса, требовавшиеся для обеспечения горного производства, нужно было либо купить, либо арендовать у башкир. Позиция государства на этот счет была сформулирована в рапорте Оренбургской провинциальной канцелярии Сенату в 1753 г.: «...Правительствующий Сенат совершенно изволит знать, в каком состоянии и в каких обращениях башкирский наперед сего бывал и как ныне содержится, и хотя уже вся Башкирия новопостроенными по Оренбургской линии крепостями ныне довольно ограждена и за взятыя под те крепости земли они, башкирцы, не только не спорят, но и ничего уже не говорят, да и тому нимало не прекословят, когда в

силе учиненного в 1744 году марта 13 дня в Берг-коллегии от Правительствующего Сената апробованного определения, партикулярные люди по определению Оренбургской губернской канцелярии к приумножению тамошних казенных доходов на их землях медные и железные заводы строят, они с такими заводчиками как уже хорошо обошлись, что сами, руды сыскивая, им приносят и возкою на их заводы с рудников разработанных руд и отдачею им в оброки своих земель и угодий, охотно промышленяют и пользуются; а некоторые и продажею к тем заводам из своих вотчин земель и угодий по добровольным договорам (что им по Именным указам чинить позволено) способствуют: ибо из них земель в свойство к тем партикулярным заводам, по силе указов, более не приписывается, как токмо под заводское и хоромное строение, под плотину и под фабрики от пяти до 600 сажен, да на выпуск 50 десятин, сверх того при рудниках отводится к каждому в длину и ширину по 250 сажен, чему они нимало не спорят, узнав себе ту пользу, которая им от построения оных партикулярных заводов по вышеписанному происходит и которой у них наперед сего нимало не бывало; а притом от тамошней губернской канцелярии завсегда и крепко наблюдается, дабы те заводчики с ними, башкирцами, порядочно поступали и без договора б с ними лесом и никакими угожьями не пользовались...».

Документ добавлял, что если бы заводы строило государство, то это привело бы к конфликтам. Согласившись с этими доводами, Сенат 13 октября 1763 г. издал указ, разрешавший строить горные заводы в Оренбургской губернии, то есть в Башкирии, только партикулярным людям⁶⁰. Это было негласной поддержкой Твердышева, развернувшегося на Южном Урале.

По стопам Твердышева пошли другие, в том числе те, кто ранее занимался металлургией на Среднем Урале. Так, в 1762 г. Петр Шувалов владел 2 крупными железоделательными заводами, его брат Александр – медеплавильным; внук первого Демидова открыл предприятия, которые до наших дней сохраняют огромное значение: это, в частности, Кыштымский завод, построенный в 1757 г. Никитой Демидовым на западном отроге Южного Урала. Остальные (например, тулянин Масалов, и Демидовы, основатели Златоуста) не были новичками в заводском деле. Благодаря им горнопромышленные районы Башкирии и Южного Урала, особенно в районе гор Бакал и Магнитной, стали соперничать с Гороблагодатскими предприятиями. Рудные месторождения простирались приблизительно от Уфы до Челябинска⁶¹.

Еще труднее заводам было проникнуть на север. Здесь этому мешали не воинственные племена, как в Башкирии, а природные условия. Знаменитый путешественник П.С.Паллас посетил в 1770 г. новые заводы на севере Урала: «Теперь оставалось мне осмотреть токмо прославившиеся недавно в северной горе верхотурского купца Максима Походяшина медные рудники и заводы, куда летом не иначе как верхом проехать можно. Хотя и мог я до города Верхотурья ехать спокойно коляскою... приказал я, что было само нужнейшее, навьючить на лошадей, и пятого июля после обеда отправился верхом из Нижнетуринска. Продолжая путь свой по левому берегу Туры вниз ехал я идущею из Нижнетуринска к Верхотурью дорогою, которая летом не очень способна. Ниже завода надобно тотчас

переезжать стараться Туру, которая так тиновата, что лошади вязли в ней по шею...

...а наконец переехав немалую гору и под Турою пространное урочище, где трава растет почти в человека... Как скоро удалились мы от Туры, то предстал нам темной и чрезмерно болотистой еловый бор, где сколько мы ни береглися едучи по тропинке, однако пушистые ветви рвали с нас платье и с лица кожу; лошади каждую минуту топили по брюхо в болотах, и сверх того принуждены были таскаться через гнилые и мохом уже оброслые, ветром поваленные деревья...

Взял я топор в руки и принужден прорубивать в некоторых местах для себя проход, и так брели мы сею выгоревшею пошвою версты с полторы к северу»⁶².

Я уже говорил о той части Урала, которую позже всего коснулась индустриализация. Сначала русские, шедшие в Сибирь, проникли в район Вишеры – Лысьвы, затем, когда колонизация сместилась к югу, в район Верхотурья и Тюмени, этот регион сильно обезлюдел. Позже люди вернулись туда, чтобы плавить железо и медь. Верхотурский купец, энергичный и предприимчивый Максим Походяшин, получил в 1758 г. обширные земли для строительства на них железодельного и медеплавильного заводов, примерно в 150 км (если считать напрямую) на север к Верхотурью. Завод, получивший название Петропавловского, был лишь первой ласточкой. В 1760 г. Походяшин основал там же Богословский завод, позже сыгравший большую роль для черной металлургии. Походяшин делал то, чем на Южном Урале занимался Твердышев, но первый не имел преемников, и еще долгое время его заводы оставались одиноким маяком на суровом уральском севере⁶³.

Влияние промышленного развития Урала на социальную структуру региона. Индустриализация Урала шла вслед с его заселением русскими. Когда возникли первые уральские заводы, здешних русских, рассеянных по бескрайним просторам края, едва насчитывалось несколько тысяч. Местные нерусские народы не были представлены в зарождавшейся промышленности, поскольку являлись либо слишком малочисленными, либо находились на низкой ступени развития, что делало невозможным их участие в индустрии. Это создало дефицит рабочей силы, что поставило под вопрос промышленное обустройство края. Ее нужно было найти любой ценой, иначе производство могло встать. Несколько десятков мастеровых можно было выписать из Саксонии, Тулы, или из Олонца, но большинство работников приходилось набирать на месте. Единственным топливом в то время был лес, и для его заготовки и углежжения требовались огромные человеческие ресурсы.

Для решения этих проблем государство прибегло к суровым, а порой и жестоким мерам. Переселенцы, едва начав заниматься привычным для себя земледелием, теперь всецело трудились на новых заводах, рискуя разориться и скомпрометировать экономические перспективы земледельческих районов.

Когда я писал о передаче в 1702 г. Невьянского завода Никите Демидову, то сказал, что вместе с заводом он получил и крестьян. Вот что сообщал об этом Геннин: «В 703-м году, генваря 9-го дня, по имянному ж указу и по докладной выписке за пометою думного дьяка Винууса послана на Верхотурье к стольнику и

воеводе Алексею Калетину грамота, по которой велено Никите Демидову для умножения железа и иных заводов и государевых припасов, которые ему делать велено, пушки, мартиры, фузеи, шпаги, сабли, тесаки, палаши, копья, латы, шишаки, проволоку, сталь и иные снасти приписать в работу и отдать Верхотурского уезду Аецкую, Краснопольскую слободы да монастырское Покровское село с деревнями и со всеми крестьяны с детьми и братьями и племянники и с землею и со всякими угоды. А что с тех крестьян в казну также и в монастырь денег и хлеба и всяких поборов збиралось, те все поборы денежные и за хлеб деньги, за пашни деньгами ж по вся годы брать у него, Демидова, в казну железом по договорной цене или деньгами.

И по тому указу чрез посланного в Верхотурья с приписью подьячего Александра Симонова те слободы и село с деревнями в 704-м году отданы и приписаны, в которых по переписи 1722-го году мужеска полу 1647 душ»⁶⁴.

Краснопольская слобода и село Покровское были основаны соответственно в 1642 и 1645 гг. крестьянами, шедшими в Западную Сибирь; время основания Аятской слободы нам неизвестно, но, вероятно, это также была середина XVII в.⁶⁵ Таким образом, менее чем через полвека после того, как русские переселенцы, насильно переведенные из России, распахали сибирскую целину, государство принудило их к тяжкому и похожему на крепостное праву труду в промышленности. Опыт Невьянска получил широкое распространение. К партикулярным и казенным горным заводам приписывались 1-3 города империи, жители которых были обязаны работать на них. Это были «приписные города», а их жители являлись «приписными крестьянами» – новой категорией крепостных.

Сенатский указ от 12 августа 1753 г. дал сведения о численности «приписных крестьян» на тех частных предприятиях, которые уже существовали на Урале: «1. Покойного действительного статского советника Акинфия Демидова детей... приписных по именным указам в 1704 в Верхотурском уезде 3630 душ..., в 1736 годах пришлых оставлено вечно 2604 души... 2. Статского советника Никиты Демидова... приписных в 1741 году из Кунгурского уезда государственных крестьян 1768 душ... 3. Медиплавильных вышеозначенаго ж покойного действительного статского советника Акинфия Демидова детей... 33 94 души...⁶⁶ 4. Балахонца Петра Осокина при двух заводах 2467 душ... 5. Гаврила Осокина при двух же заводах... приписных... государственных крестьян 700... 6. Семена Красильникова... приписных... государственных крестьян 368... 7. Семена Иноземцова при одном же заводе... приписных из Казанского уезда ясачных татар 126... 8. Кирила Небогатова и казанского гарнизона аудитора Литвинова... приписных... из государственных ясачных крестьян 275... 9. Тулянина Ивана-меньшева Масалова... приписных... государственных крестьян 384 души...»⁶⁷.

После этого указа численность приписных крестьян на частных заводах резко выросла благодаря росту горной промышленности в новых регионах. Гороблагодатские заводы, имевшие при Шёмберге 3106 душ крестьян, при Шувалове получили 16132 души; 2 завода, которые тот же Шувалов построил в Вятской провинции – Ижевский и Воткинский, получили 23215 душ, его башкирский завод (Авзяно-Петровский) – 1920 душ. Вознесенский завод Северса в Башкирии имел 1000 душ. Алапаевский, Синячихинский и Сусзанский заводы майора Гу-

риева владели 4138 душ, Кыштымский и Каслинский заводы Никиты Демидовы на западных отрогах Южного Урала – 5582 душ. Наконец, на севере Богословские заводы Походяшина получили 4200 крестьян. Речь здесь идет прежде всего о «душах мужского пола»⁶⁸.

Крестьяне, приписанные к казенным заводам, не меняли хозяина – им по-прежнему оставалось государство. Вместо того, чтобы обрабатывать «государеву землю» или землю, сданную в аренду, крепостной превращался в промышленного рабочего.

Число приписных крестьян на казенных заводах до массового перехода предприятий в руки партикулярных лиц значительно превосходило число крестьян на частных заводах. Геннин приводит такие цифры:

Екатеринбургские заводы – 4774 души;

Сысертский завод – 3510 душ;

Каменский завод – 7051 душа;

Алапаевский завод – 5112 душ;

Лялинский завод – 412 душ;

Пыскорский завод – 4070 душ;

Ягошихинский завод – 735 душ⁶⁹.

В первой половине XVIII в. из небольшого числа землепашцев, осевших на безлюдном Прикамье веком ранее, около 35000 были насильно отданы заводам. Это была значительная цифра, особенно для начального этапа русской колонизации. Естественно, что местные власти отрицательно относились к усилиям горной администрации по приписке крестьян к заводам⁷⁰.

Первоначально людей получали из соседней Западной Сибири, но их не хватало, и вскоре приписка распространилась на казанских и пермских крестьян, нередко живших очень далеко. Обратимся к текстам наказов государственных крестьян Казанской провинции, Кунгурского, Соликамского и Чердынского уездов в Уложенную комиссию 1767 г.

Крестьяне 7 сел Ногайской дороги Казанской провинции, приписанных к Вознесенскому заводу барона Сиверса в Башкирии, за 700 верст отсюда, жаловались: «А в проход до того завода быть имеет по благополучному пути и с возвратом два месяца и болше».

Заводские крестьяне Кунгурского уезда сообщали, что им приходится преодолевать по 100-140 верст, чтобы добраться до Ягошихинского и Мотовилихинского заводов, 40-110 – до Юговского завода, 70 – до Сылвинского завода, 170-220 – до Сергинского завода Демидова.

Крестьяне Соликамского уезда, приписанные к Аннинскому заводу графа Чернышева, писали: «А оный Аннинский завод от наших приписных жителств в разстоянии состоит не меньше: от далних трехсот тридцати и трехсот пятнадцати, а от ближних трехсот верст».

Крестьяне Чердынского уезда, приписанные в Петропавловскому и Туринскому заводам Максима Походяшина утверждали, что эти заводы были удалены от мест их проживания на 500-600 верст и добавляли: «А которые с своими лошадми туда ездят, то по далнему разстоянию от наших приписных жителств и что дорога до завода лежит чрез города Соликамск и Чердынь, весьма затруднительна,

болотами, реками, лесами и топучими местами и камением, то с великою трудно- стию на завод и впредь доезжать можем. А обратно с завода, будучи лошади ут- руждены, в дома приводить не можем в живости, которые от великаго затрудне- ния и неспособности в пути пропадают наполовину. Ибо у онаго заводчика Похо- дишина от заводов никаких мостов и переправ не имеется»⁷¹.

Приписные крестьяне, в основном, должны были рубить лес, жечь и пере- возить уголь, добывать руду. Наконец, на некоторых заводах крестьяне сплавляли готовую продукцию по воде. О собственно заводских рабочих речь пойдет ниже. Заготовка леса была сезонной работой и велась посменными командами. Это бы- ло вызвано низкой зарплатой приписных крестьян. Чтобы хоть как-то существо- вать, они должны были вести свое хозяйство, что часто приводило к конфликтам: крестьяне-землепашцы протестовали против ненужного им заводского труда⁷².

Впрочем, имелись и другие причины для недовольства: низкая зарплата, удаленность заводов и др. Скрытый протест, существовавший в начале XVIII в.⁷³, позднее вылился в открытое восстание, охватившее множество приписных дере- вень и горных заводов.

Крестьяне Казанской провинции, первыми приписанные к Авзяно- Петровскому заводу Шувалова в Башкирии, в 1754 г. отказались подчиниться приписке. Властям пришлось применить военную силу и сурово наказать бун- товщиков. В 1755 г. аналогичное волнение произошло среди крестьян той же про- винции, приписанных к Вознесенскому заводу барона Сиверса, также распо- ложенному в Башкирии; оно было подавлено с помощью войск, но вновь вспыхнуло в 1760 г., правда, не так мощно. Несмотря на свое обещание возобновить работу, приписные крестьяне на следующий год опять ушли с завода. В 1760 г. беспоряд- ки охватили крестьян сибирских деревень, приписанных к Каслинскому и Кыш- тымскому заводам Никиты Демидова. Здесь волнения достигли значительного размаха. Посланные на их подавление войска вступили в настоящий бой с крестья- нями, в ходе которого было ранено 52 солдата. На следующий год движение распространилось на Гороблагодатские предприятия, Верхне-Исетский завод Во- ронцова, а также Ижевский и Воткинский заводы Шувалова, именуемые также Камскими заводами⁷⁴.

Анархия, грозившая охватить весь промышленный Урал, встревожила правительство. В декабре 1762 г. Екатерина II поручила изучить ситуацию на мес- те князю Александру Вяземскому, будущему генеральному прокурору Сената, т.е., фактически, министру финансов и внутренних дел. Он должен был посетить взбунтовавшиеся заводы, изучить причины волнений и внести предложения по улучшению ситуации⁷⁵. Его выводы были обобщены в указе Екатерины II от 9 ап- реля 1763 г., который предписал распространить на все уральские заводы разра- ботанное Вяземским «Учреждение приписным покойного господина генерал- фельдмаршала и кавалера Шувалова к Ижевскому и Воткинскому заводам крестья- нам». С этого документа берет свое начало российское социальное законода- тельство. В «Учреждении» говорилось: «По многим дошедшим до Нас известиям о возмущении крестьян, приписных к разным рудным заводам, принуждены Мы нашли послать с особливыми от Нас наставлениями, Нашего генерал- квартирмейстера князь Александра Вяземского, как для приведения тех крестьян

к надлежащему подобострастию, так и для разыскания прямых причин, от чего сие учинилось. А по учиненным Нам от помянутаго Вяземскаго обстоятельным доношениям оказалось: 1) приписка свмых крестьян к заводам пристрастная, и для угождения инде поверенными деланная тем персонам, кому оные заводы принадлежат, так, что крестьян на выбор приписывали не по селам и деревням, но по домам и выборным людям, включая одних годных к работе, от чего произошло великое неравенство и отягощение по селам и деревням на крестьян... 2) Расчисление дней рабочих для заводов со днями, оставляемыми для земледелия на прокормление крестьянам себя и семей своих так худо уравнено, что самая наибольшая тягость крестьянам от того произошла. 3) Налог работ усмотрен столь велик, что работник того в день выработать отнюдь не может, ни нищий, ни конный, что на него налагаются. 4) Производимая плата крестьянам по учреждению Берг-коллегии делается зачетом в подушной оклад за все в перепись положенныя за каждую, во сколько дней она окончана быть может, по плакатному положению; от чего на Ижевском и Воткинском заводах графа Шувалова великое неуравнение и крестьянам неудобь носимая тягость и разорение нашлись. 5) Сверх того жительство приписных к Ижевскому и Воткинскому заводам крестьян нашлось инде во отдалении до четырехсот верст, и в таких нарядах из отдаленных мест работникам чрез круглой год великое потеряние во времени усмотрено...».

«Учреждение», приложенное к указу от 9 апреля 1763 г., пыталось положить конец злоупотреблениям. Теперь заводской управитель не мог налагать на крестьян более работ, чем их требовалось выполнить за подушный оклад. Приписные должны были работать сменяющимися друг друга сотнями (командами). Распределение работ необходимо было утверждать заранее, а контроль за дисциплиной возлагался на выборных сотников. Время перехода с деревни на завод подлежало оплате по соответствующему тарифу. Наконец, зарплата и налоги записывались в особую конторскую книгу⁷⁶.

Я не буду подробно рассматривать все эти вопросы. Отмечу лишь, что, несмотря на всю неэффективность института приписки, Вяземский не предлагал его упразднить: без этого обойтись было нельзя, поскольку иных источников рабочей силы пока не было.

Каковы были эти иные источники?

В первую очередь, крепостное право. Юридически никаких препятствий для привлечения к заводскому труду принадлежавших заводчику крепостных крестьян, или покупка их для этой цели, не было. Но на практике это было сделать трудно: землепашцы были также нужны, как и работники заводов, и их тоже не хватало. Только Строгановы, крупные помещики Урала, могли легко прибегнуть к этому способу, но их промышленная деятельность никогда не была достаточно активной. У Демидовых первоначально было мало земли и крепостных в центре России. Такими же было и большинство других заводчиков. Тем не менее, крепостные появились на заводах во второй половине XVIII в. «Топографическое описание заводов, лежащих в Уфимском наместничестве», которое приблизительно датируется 1782 г., дает нам следующие сведения о предприятиях на территории Башкирии. У Твердышева работали его крепостные, в количестве 491 душ на Архангельском, 509 – на Преображенском и 468 – на Верхотурском заводе. 3 Троиц-

ких завода майора Осокина использовали его крепостных, соответственно, 248, 229 и 273 душ. Железодельные заводы Мясниковых имели в своем распоряжении крепостных крестьян: Симский завод – 1165, Катав-Ивановский завод – 1275, Белорецкий завод – 871, Юрюзань-Ивановский – 675, Усть-Катавский – 444. Крупный железодельный завод Евдокима Демидова, о котором речь шла выше, кроме приписных давал работу 72 своим крепостным, Верхне-Узянский и Кагинский заводы того же Демидова имели соответственно 109 и 376 крепостных. 1780 крепостных Лугина работали на его заводе в Златоусте, 878 на – Саткинском заводе; 417 крепостных Масалова обслуживали его Кана-Никольский завод; 624 принадлежали наследникам Хлебникова на его Благовещенском заводе; 97 – Красильникову на его Архангельском заводе; 176 – Иноземцеву на его Иштерьякском заводе; 360 – Глазову на Богословском медеплавильном заводе⁷⁷. В совокупности эти цифры составляют приблизительно 11500 крестьян, ставших промышленными работниками, но они относятся к последней четверти XVIII в., и вполне вероятно, что пятьюдесятью годами ранее они были меньшими.

Наконец, нельзя считать, что в XVIII в. в горной промышленности абсолютно отсутствовал свободный труд. Несмотря на то, что в России все население четко разделялось на сословия, всегда были исключения – беглые помещичьи крестьяне, дети, незаконнорожденные, скрывавшиеся в лесах и горах от преследований староверы, солдаты-дезертиры и прочие гулящие люди, которые стекались на эти безлюдные и далекие земли. Частные промышленники и казна привлекали их на заводы, нередко незаконно. Правительство старалось не обращать на это внимания, кроме откровенно вопиющих случаев. Сенатский указ от 20 сентября 1723 г. сообщал, что происходило на заводах Демидова: «Правительствующий Сенат приказали: по доношению из Сибирской губернии полковника Сонцова-Засекина, о сысканных беглых рекрутах, которые жили Никиты Демидова на железных заводах для работы из найму, человек с полтора, а что они беглые, про то де ему, Демидову, не сказывались, да и он де, Демидов, допросом своим показал, что у него оные беглые жили на заводах из найму, а что они беглые рекруты – не ведал, и за оных беглых рекрут на нем, Демидове, также и впредь где явятся и на других каких заводах беглые ж солдаты и рекруты, штрафные деньги править ли?»

Сенат добавлял: «Что де он, Сонцов, в доношении своем объявляет, что Никита Демидов прислал к нему с Именного Его Величества указу копию, по которому с фабрик учеников и работников, чьи б они ни были, хотя и беглые явятся, отдавать не велено и по оному указу беглых с фабрик отдавать не велено помещиковых людей и крестьян, а чтоб беглых рекрут с заводов не отдавать, в том указе того не написано»⁷⁸.

Таким образом, мы видим, что государство было вынуждено терпеть на заводах весь этот сброд, если только люди не скрывались от рекрутчины. Конечно, государство хорошо понимало, насколько двусмысленна данная ситуация, но экономическая выгода в итоге одержала верх.

Государство не просто следило за всем этим, но даже поддерживало такое положение на казенных заводах. Указ от 15 июля 1726 г. предписал прикрепить к екатеринбургским заводам всех находящихся там крестьян, сбжавших от Дворца

и духовенства, чтобы не платить подушную подать в местах своего прежнего проживания⁷⁹.

В 1755 г. государство по просьбе заводовладельцев вмешалось в ситуацию. На основании сенатского указа от 30 декабря этого года все пришлые были объявлены вечноотданными заводу. Государственные заводы получили, таким образом, 2357 душ, наследники Акинфия Демидова – 2674, Никита Демидов – 189, барон Сергей Строганов – 22, Петр Осокин – 675, Гаврила Осокин – 735. Партикулярные заводчики в общей сложности заимели 4493 души. В результате этих мер переселенцы оказались приписанными к заводам как крепостные крестьяне – к своим помещикам.

Добились этого с помощью ревизий (переписей населения). Пришлых записали к заводским крепостным, и таким образом навсегда привязали их с семьями к заводчику⁸⁰.

Мы видели, что среди гулящих людей, пришедших на уральские заводы, фигурировали староверы. Они сыграли важную и очень полезную роль в организации промышленности. Их нравы, действительно, были очень строгими. Татищев насчитал в 1736 г. на Урале 1250 староверов-мужчин и 611 женщин, и добавлял: «Раскольников-де в тех местах умножилось, а наипаче, что партикулярных заводах Демидовых и Осокиных приказчики едва не все, да и сами промышленники некоторые – раскольники; и ежели оных выслать, то конечно им заводов содержать не кем и в заводах Ея императорскаго величества будет не без вреда»⁸¹.

Староверы, как и другие переселенцы, в конце концов превратились в крепостных, принадлежащих заводчикам. Раз внесенные в ревизские сказки, они в дальнейшем рассматривались как принадлежавшие со всем своим потомством заводу⁸².

Однако свободный работник не исчез. Приписные крестьяне часто подменяли себя вольнонаемными работниками. Я не знаю, где они их находили, но об этом факте говорят наказы в Уложенную комиссию 1767 г.⁸³ «Топографическое описание» заводов Башкирии 1782 г. также показывает, что промышленники часто обращались к вольнонаемным, чтобы пополнить ряды своих работников⁸⁴.

Не все люди, отданные государством в промышленность, являлись рабочими в прямом смысле этого слова. Как уже говорилось, приписные крестьяне и крепостные были в основном заняты рубкой леса и углежжением, т.е. наполовину сельскохозяйственными занятиями. Но владельцы заводов пытались сделать из принадлежавшей им людской массы настоящих рабочих. Техника того времени была такова, что собственно рабочих было мало. Интересные цифры на этот счет содержит упомянутое «Топографическое описание». Из 3735 крепостных, работавших на заводах Твердышева, 850 были приказчиками, мастерами и работными людьми. У Осокина из 750 крепостных 541 составляли приказчики, мастера и работные люди; вероятно, большая часть вспомогательных работ осуществлялась вольнонаемными. Мясников владел 4403 крепостными, из которых 941 работал на заводах. У Хлебникова, Красильникова, Иноземцева и Глазова эти пропорции были соответственно 182 из 624, 47 из 97, 25 из 176, 135 из 360 человек⁸⁵.

Какова бы ни была численность работников на уральских заводах в XVIII в., совершенно ясно, что именно тогда зародился новый социальный класс – про-

летариат. Его появление добавляет дополнительный штрих в картину социальных изменений, ставших результатом индустриализации Прикамья и Западной Сибири.

Перевод с французского кандидата филологических наук, доцента Башкирского государственного университета Л.Ф.Сахибгареевой по: Nolde B. La formation de l'empire Russe. Paris, 1952. Т.I. P.236-273.

¹ Г.Ф.Миллер (*Миллер Г.Ф.* Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала и особливо от покорения его Российской державе по сии времена. СПб., 1750. Кн.1. С.76 и сл.) и А.Введенский (*Введенский А.* Аника Строганов в своем сольвычегодском хозяйстве // Сборник статей по российской истории, посвященных С.Ф.Платонову. Пг., 1922. С.97 и сл.), по-видимому, допускают, что в своих владениях на Каме Строгановы в начале XVI в. положили начало производству железа. Эти авторы полагают также, что Строгановы позаимствовали технологию его производства у англичан, за которыми им было поручено присматривать. Англичане действительно получили в 1569 г. право эксплуатации железных рудников в России (привилегия сэра Томаса Рандольфа), но не на Каме, а на Вычегде (*Lioubimenko I.* Les relation commerciales et politiques de l'Angleterre avec la Russie avant Pierre le Grand. Paris, 1933. P.36). Впрочем, маловероятно, что англичане воспользовались этим. Попытки Строгановых производить железо, безусловно, следует отнести не к XVI в., а к более позднему времени.

² Грамота от 15 апреля 1641 г.: *Берх В.* Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. СПб., 1821. С.42-43.

³ Указания Ивану Онофриеву от 25 января 1643 г.: Там же. С. 48.

⁴ Там же.

⁵ *Геннин В.* Описание уральских и сибирских заводов 1737 г. М., 1937. С. 540 и след. (эта важная работа одного из создателей металлургической промышленности на Урале, о котором я еще расскажу далее, частично была опубликована ранее: Горный журнал. 1828); Дополнения к актам историческим. Т. V. № 10/VIII; *Злотников М.* Первое описание уральских и сибирских заводов // *Геннин В.* Указ. соч. С. 19.

⁶ См.: Кунгурские акты XVII-го века (1668-1699 гг.). СПб., 1888. № 76, где кунгурскому воеводе рекомендовалось способствовать подполковнику Лорану Нейтору в поисках меди (4 августа 1699). Мы не знаем, кто был этот подполковник, но возможно речь идет о бывшем шведском военнопленном, ср.: *Hermann V.F.J.* Versuch einer mineralogischen Beschreibung des Uralischen Erzgebürges. Berlin u. Stettin, 1789. Bd.I. S.13.

⁷ *Геннин В.* Указ. соч. С.462.

⁸ Компиляцию сведений, извлеченных М.Злотниковым из архивов Свердловска см.: *Геннин В.* Указ. соч. С.42 и след.

⁹ *Hermann V.F.J.* Op. cit. Bd.I. S.13.

¹⁰ Дополнения к актам историческим. Т. V. № 10; *Бакланов Н.* Техника металлургического производства на Урале. М.; Л., 1935. С.13 и след.

¹¹ К сожалению, биографии Виниуса не существует. См. о нем: *Хмыров М.Д.* Металлы, металлические изделия и минералы в древней России (материалы для истории русского горного промысла). СПб., 1875. С.236. Несколько данных о его административной карьере можно найти в приложении к его письму Петру I от 16 ноября 1706 г.: Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1907. Т.V. С.721 и след. См. также: *Устрялов Н.* История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т.II. С.125 и след.

¹² Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1887. Т.I. С.623, 627, 664, 722, 721, 263, 264, 732, 731, 637.

¹³ *Schlözer A.L.* Münz-geld und Bergwerks-Geschichte des Russischen Kaiserthums, von J.1700 bis 1789. Göttingen, 1791. S.84.

¹⁴ О нем см.: Русский биографический словарь. СПб., 1905. С.219 и след.

¹⁵ Памятники сибирской истории XVIII века. СПб., 1882. Т. I. № 7. Указ властям Тобольска, датированный 1700 г., приводится в забытой ныне статье Н.Абрамова «О железных и оружейных заводах в XVII и первой половине XVIII столетий» (Вестник Императорского Русского географического общества. 1860. Т. XXX. С. 190 и след.).

¹⁶ См. речь Татищева от 12 декабря 1734 г.: *Берх В.* Жизнеописание тайного советника В.Н.Татищева, бывшего советника Берг-коллегии и начальника всех сибирских горных заводов // Горный журнал. 1828. № 3. С. 98 и след.

¹⁷ *Геннин В.* Указ. соч. С. 611, 487, 447, 475.

¹⁸ Письма и бумаги императора Петра Великого. С. 721 и след.

¹⁹ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. СПб., 1842. Т. V. № 267.

²⁰ Памятники сибирской истории XVIII века. Т. I. № 46 (память Верхот. Невьянск. заводов уговорщику Никите Демидову); «Сказка» Прокофия Демидова (внук Никиты) от 18 августа 1774 г.: «... Государь император Петр Великий... пожаловал ему (Никите Демидову. – Б.Н.) в Сибири железные заводы» (Сказка П.А.Демидова // Русский Архив. 1873. № 11. С. 2244).

²¹ Памятники сибирской истории XVIII века. Т. I. №№ 44, 46, 69; Распоряжение Петра Великого. Память Н. Демидову // Русский Архив. 1880. Т. I. С. 131; *Голиков И.* Деяния Петра Великого. Изд. 2-е. Т. II. С. 518 и след.; *Устрялов Н.* Указ. соч. Т. I. С. 390; *Геннин В.* Указ. соч. С. 611 и след.

²² *Геннин В.* Указ. соч. С. 615 и след.

²³ Памятники сибирской истории XVIII века. Т. I. №№ 30, 56; *Геннин В.* Указ. соч. С. 548.

²⁴ *Геннин В.* Указ. соч. С. 617 и след., 622 и след.

²⁵ Памятники сибирской истории XVIII века. СПб., 1885. Т. II. № 84; *Геннин В.* Указ. соч. С. 35.

²⁶ См.: *Берх В.* Жизнеописание... // Горный журнал. 1828. Кн. I. С. 99; Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 2. С. 539 и след.

²⁷ *Берх В.* Жизнеописание генерал-лейтенанта В.И.Геннина, основателя российских горных заводов // Горный журнал. 1826. Кн. I. С. 51 и след.; Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 2. С. 471 и след.

²⁸ Полное собрание законов Российской империи. Т. VI. № 3986; *Берх В.* Жизнеописание генерал-лейтенанта В.И.Геннина... // Горный журнал. 1826. № 4. С. 86 и след.

²⁹ Письмо Апраксину от 17 декабря 1722 г.: Там же. С. 109 и след.

³⁰ *Геннин В.* Указ. соч. С. 450.

³¹ Письмо Геннина Петру I от 9 марта 1723 г. и императрице Екатерине от 12 июня 1723 г. опубликовано: *Берх В.* Жизнеописание генерал-лейтенанта В.И.Геннина // Горный журнал. 1826. № 4. С. 114 и след.; *Геннин В.* Указ. соч. С. 75; Памятники сибирской истории XVIII века. Т. II. № 99.

³² *Берх В.* Жизнеописание генерал-лейтенанта В.И.Геннина // Горный журнал. 1826. № 4. С. 121 и след.

³³ Там же. № 5. С. 120 и след.

³⁴ Ср. донесение Геннина в 1728 г. в: Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 84. С. 403 и след.; *Злотников М.* Указ. соч. С. 63.

³⁵ Полное собрание законов Российской империи. Т. V. № 3463; Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. II. С. 397; *Лебедев В.* Реформы Петра Первого. М., 1937. С. 31; *Герман И.* Историческое начертание горного производства в Российской империи. Екатеринбург, 1810. Т. I. С. 21 и след., 26 и след. Ср. общие наблюдения: *Фирсов Н.А.* Российские торгово-промышленные компании в первой половине XVIII-го столетия. Изд. 2-е. Казань, 1922. С. 52 и след.; *Туган-Барановский М.* Русская фабрика. Изд. 6-е. М.; Л., 1934. С. 6 и след.

³⁶ *Берх В.* Жизнеописание генерал-лейтенанта В.И.Геннина. № 5. С. 107.

³⁷ *Геннин В.* Указ. соч. С. 630, 631; *Hermann V.F.J.* Op. cit. Bd. I. S. 361 и сл., 389 и сл.

³⁸ Полное собрание законов Российской империи. Т.IX. № 6559; *Берх В.* Жизнеописание тайного советника В.Н.Татищева. № 23. С.147 и след.; *Герман И.* Указ. соч. С.137 и след.; Полное собрание законов Российской империи. Т.IX. № 6841.

³⁹ Полное собрание законов Российской империи. Т.IX. № 6411; Сборник Императорского Русского исторического общества. Т.106. С.231; *Чупин Н.* Отдача казенных заводов в частные руки в прошлом столетии // Горный журнал. 1861. Т.2. С.556; *Рожков В.* Берг-компания на магнитной горе Благодати в Сибири и на Медвежьих островах в Лапландии в царствование Анны Иоанновны // Горный журнал. 1885. № III. С.129 и след.; Он же. Материалы к истории горного промысла в царствование императрицы Елизаветы Петровны // Горный журнал. 1890. № 4.

⁴⁰ *Рожков В.* Берг-компания на магнитной горе Благодати в Сибири и на Медвежьих островах в Лапландии в царствование Анны Иоанновны // Горный журнал. 1885. № II. С.127; *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1887. Т.XX. С.202; *Hermann V.F.J.* Op. cit. Bd.I. S.16 и сл.

⁴¹ *Рожков В.* Материалы к истории горного промысла. С.339 и след.

⁴² *Müller.* Erzbach // Handwörterbuch der Staatswissenschaften <Сноска не полная>.

⁴³ *Рожков В.* Берг-компания на магнитной горе Благодати в Сибири и на Медвежьих островах в Лапландии в царствование Анны Иоанновны.

⁴⁴ *Соловьев С.М.* Указ. соч. Т.XX. С.197.

⁴⁵ *Hermann V.F.J.* Op. cit. Bd.I. S.254; *Gmelin M.* Voyage en Sibérie / Traduction libre de Gallemard par M. de Keralio. Paris, 1767. Т.I. P.231.

⁴⁶ Полное собрание законов Российской империи. Т.IX. № 7086; Т. X. №№ 7589, 7600.

⁴⁷ Там же. Т.X. № 7767.

⁴⁸ Сборник Императорского Русского исторического общества. Т.130. С.145 и след., 629; *Чупин Н.* Указ. соч. С.558-559.

⁴⁹ Полное собрание законов Российской империи. Т.XI. № 8543, 8571.

⁵⁰ Отчет Сената, санкционированный 7 апреля 1742 г. см.: *Рожков В.* Берг-компания на магнитной горе Благодати в Сибири и на Медвежьих островах в Лапландии в царствование Анны Иоанновны. С.122 и след.

⁵¹ *Чупин Н.* Указ. соч. С.562.

⁵² Там же. С.564.

⁵³ Полное собрание законов Российской империи. Т.XVI. № 11967.

⁵⁴ *Чупин Н.* Указ. соч. С.571; *Hermann V.F.J.* Op. cit. Bd.I. S.325 и сл.

⁵⁵ *Рычков П.И.* История Оренбургская. С.216 и след.; Он же. Топография Оренбургской губернии. СПб., 1762. С.392.

⁵⁶ Полное собрание законов Российской империи. Т.XII. № 8921.

⁵⁷ Топографическое описание заводов, лежащих в Уфимском наместничестве // Древняя Российская Вивлиофика. 2-е изд. М., 1791. Т.XIX. С.25 и след.; *Рычков П.И.* Топография. С.399 и след. Автор и время создания первого из упомянутых произведений не указаны издателем «Вивлиофики» И.Новиковым; видимо, оно было написано в 1782 г. одним из сыновей П.И.Рычкова (ср.: Древняя Российская Вивлиофика. С.23 и след.).

⁵⁸ *Соловьев С.М.* Указ. соч. Т.XXIV. С.239.

⁵⁹ *Рычков П.И.* Топография. С.394 и след.

⁶⁰ Полное собрание законов Российской империи. Т.XIII. № 10141.

⁶¹ *Зверинский В.* Оренбургская губерния: Список населенных мест по сведениям 1866 г. СПб., 1871; Продолжение записок путешествия академика Лепехина // Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорской Академией наук. СПб., 1822. Т.IV. С.20 и след., 45 и след., 53 и след., 86 и след., 109, 155 и след., 184 и след., 202 и след., 279 и след., 298 и след.; Записки путешествия академика Фалька // Там же. С.60 и след.; *Рычков П.И.* Топография. С.399 и след.

⁶² *Паллас П.С.* Путешествие по разным местам Российского государства. СПб., 1786. Ч.II. Кн.1. С.277 и сл.

⁶³ *Hermann V.F.J.* Op. cit. Bd.I. S.359 и сл.; Продолжение записок путешествия академика Лепехина. С.91 и след.

⁶⁴ *Геннин В.* Указ. соч. С.612 и след.

⁶⁵ *Буцинский П.* Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Краков, 1889. С.53, 134.

⁶⁶ Эта цифра включает не только «приписных крестьян», но также и «пришлых» (о них речь пойдет ниже).

⁶⁷ Полное собрание законов Российской империи. Т.ХIII. № 10131.

⁶⁸ *Семевский В.И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1901. Т.II. С.302, 303, 305, 329, 331; Сборник Императорского Русского исторического общества. Т.7. С.194.

⁶⁹ *Геннин В.* Указ. соч. С.436 и след., 475, 488, 528, 567. Точной статистики общей численности приписных крестьян на уральских заводах в XVIII веке нет. Данные В.И.Семевского (*Семевский В.И.* Указ. соч. СПб., 1903. Т.I. С.304, 365) касаются приписных крестьян всей России, и поэтому их невозможно здесь использовать.

⁷⁰ Ср. спор между Генниным и вице-губернатором Сибири Болтиным по поводу деревень, приписанных к Сысертскому заводу: *Геннин В.* Указ. соч. С.463.

⁷¹ Сборник Императорского Русского исторического общества. Т.115. С.255, 266, 289, 296.

⁷² Детали организации труда приписных крестьян см. в уже упомянутых тетрадях за 1767 г. в томе X Материалов Законодательной Комиссии Екатерины II и у В.И.Семевского (Указ. соч. Т.II. С.295-561).

⁷³ См., например, жалобу крестьян Невьянской деревни на Акинфия Демидова от 18 марта 1708 г.: Памятники сибирской истории XVIII века. Т.I. № 79.

⁷⁴ *Фирсов Н.А.* Указ. соч. С.181 и след.; *Семевский В.И.* Указ. соч. Т.II. С.322 и след.

⁷⁵ Сборник Императорского Русского исторического общества. Т.7. С.188 и след. Краткое изложение о миссии Вяземского: *Семевский В.И.* Указ. соч. Т.II. С.350.

⁷⁶ Полное собрание законов Российской империи. Т.XVI. № 11790.

⁷⁷ Топографическое описание заводов, лежащих в Уфимском наместничестве. С.10 и след.

⁷⁸ Полное собрание законов Российской империи. Т.VII. № 4305.

⁷⁹ Там же. № 4931.

⁸⁰ Там же. Т.XIV. № 10494. Я не рассматриваю здесь юридическую сторону этого документа о русском крепостничестве. Достаточно сказать, что заводские крепостные были, как и остальные крепостные, прикреплены не к земле, а к своему господину. См. об этом классические выводы В.О.Ключевского (*Ключевский В.О.* Опыты и исследования. М., 1919. С.184 и след.).

⁸¹ Собрание постановлений по части раскола, состоявшихся по ведомству св. Синода. СПб., 1860. Кн. 1. С.349-350.

⁸² История староверов на Урале пока еще не написана, ср.: Полное собрание законов Российской империи. Т.IX. № 6835; Т.X. №№ 7172, 7663.

⁸³ Сборник Императорского Русского исторического общества. Т.115. С. 260, 261, 265.

⁸⁴ Топографическое описание заводов, лежащих в Уфимском наместничестве. С.70, 104.

⁸⁵ Там же.